

Полифония, эвиденциальность, адмиратив как компоненты семантики языковых выражений (на примере перевода монолога Раскольникова — отрывка из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» — на французский язык).

О.А. Гулыга (Институт языкознания РАН)

Аннотация

Настоящая статья представляет собой попытку показать, что литературоведческое понятие полифонии по М.М. Бахтину в трактовке русского литературного текста (монолог Раскольникова из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание») при лингвистической трактовке можно понимать как неграмматический способ отражения смыслов ‘эвиденциальность’ и ‘адмиратив’. Мы приводим также примеры оформления данных смыслов при переводе монолога Раскольникова на французский язык.

Ключевые слова

Лингвистическая полифония, эвиденциальность, адмиратив, переводоведение, дискурсивные слова, русский язык, французский язык.

1. Кратко о темах, вынесенных в заголовок

Полифония, эвиденциальность и адмиратив обычно рассматриваются по отдельности. Однако возможен и подход, объединяющий их, ср. [Anscombre et al. 1993, 7]. Понятие полифонии связано с интерпретацией устного или письменного текста как речевого произведения не только физически создавшего его говорящего как очевидного и явно существующего участника речевого акта или участника ситуации. Наряду с голосом поверхностного автора текст разными способами отражает присутствие в своём содержании и отличных от автора субъектов сознания. Категория или семантический элемент ‘эвиденциальность’ связаны с передачей в поверхностной структуре сведений об источ-

нике сообщаемых фактов — личный опыт и чувственное восприятие говорящего, сон, знание, передаваемое в рамках языкового коллектива, знание с чужих слов и т.п.

Обобщая, можно сказать, что эвиденциальность определяется как лингвистически выраженная отсылка к источнику знания, служащего основанием для построения говорящим утверждения о реальной или воображаемой действительности. Понятие эвиденциальности включает в себя представление о семантическом различии между ‘лично засвидетельствованном’ или ‘непосредственно полученном’, и ‘опосредованно воспринятом’ знании. Второй вид знания разделяется на ‘логически выведенное’ и ‘воспринятое с чужих слов’ (hearsay evidence). На начальных этапах использования понятия эвиденциальности в него включалась семантическая категория адмиратива. Однако в [De Lancey 1978, 1979] автор показывает, что по данным типологии категория адмиратива (в английской традиции mirative), отражающая удивление, неподготовленность говорящего, неожиданность и контрастность нового знания, которое говорящий выражает в своём высказывании, представляет собой отдельное явление. Скотт Деланси обобщает адмиративную семантику как грамматическое отражение контраста между сложившейся целостной картиной действительности во внутреннем мире говорящего и новой информацией, не встроенной в эту картину.

2. О полифонии в лингвистике и литературоведении

В настоящее время существуют разнообразные представления о лингвистической полифонии. Лингвисты ряда стран работают в русле этого направления, есть романская, германская, скандинавская школы. На объяснительную силу самого концепта лингвистической полифонии одним из первых обратил внимание Освальд Дюкро [Ducrot 1984, 19]. Как пишет О.Дюкро, в течение предшествующих двух столетий языкознание в неявном виде опиралось на постулат о том, что у каждого высказывания есть ровно один автор.

Представление о художественной картине мира, созданной с единственного ракурса имела и в литературоведении до тех пор, пока М.М. Бахтин не сформулировал свою концепцию полифонии в литературном произведении. О том, что термин «полифо-

ния» заимствован из сферы музыки как метафора, М.М. Бахтин писал: «Но эту метафору мы превращаем в термин «полифонический роман», так как не находим более подходящего обозначения. Не следует только забывать о метафорическом происхождении нашего термина» [Бахтин 2002, 30].

Как пример приведём пример литературной полифонии по Бахтину [Бахтин 2002, 86]. В произведениях литературы с полифонической композицией мы слышим несколько независимых голосов. Существенно, что эти голоса равноправны, ни один из них не имеет преимущества над другими. По Бахтину, радикальный переворот, совершённый Ф.М. Достоевским, состоял в том, чтобы чужое «я» в произведении стало не всего лишь объектом исследовательского интереса писателя, а полноправным субъектом со своей точкой зрения и внутренним миром. В частности, М.М. Бахтин пишет: «Раскольников только что получил подробное письмо матери с историей Дуни и Свидригайлова и с сообщением о сватовстве Лужина. А накануне Раскольников встретился с Мармеладовым и узнал от него всю историю Сони. И вот все эти будущие ведущие герои романа уже отразились в сознании Раскольникова, вошли в его сплошь диалогизованный внутренний монолог, вошли со своими «правдами», со своими позициями в жизни, и он вступил с ними в напряженный и принципиальный внутренний диалог, диалог последних вопросов и последних жизненных решений. Он уже с самого начала все знает, все учитывает и предвосхищает. Он уже вступил в диалогические соприкосновения со всей окружающей его жизнью. Приведенный нами в отрывках диалогизованный внутренний монолог Раскольникова является великолепным образцом микродиалога: все слова в нем двуголосые, в каждом из них происходит спор голосов» [Там же].

Переходя к полифонии в лингвистике, отметим, что О.Дюкро в своих работах строит концепцию полифонии, отличную от той, что применяется при рассмотрении художественных текстов. В [Ducrot 1984], [Ducrot 1981] вводится различие между фигурами Говорящего (locuteur) и Автора высказывания (énonciateur), точками зрения, неявно включёнными во внутренний план высказывания, соотношение субъектов сознания и то-

чек зрения. Маркерами полифонии лингвистических выражений могут служить логические операторы, такие как отрицание, различные внешние проявления так называемых субъектов сознания или фигур второго плана, дискурсивные слова, см. [Гулыга 2019].

Разновидностью полифонических высказываний может быть, например, несобственно-прямая речь. Присутствие одновременно звучащих голосов обнаруживается и в достаточно древних текстах, например, в Псалтири, когда, произвольно чередуясь, друг за другом следуют слова Бога, слова автора — царя Давида, обобщённых грешников и праведников, где нет обязательного единственного говорящего. У несобственно-прямой речи один создатель — автор произведения, однако здесь допустимо включение высказываний неявных говорящих, например, уже известных действующих лиц или обобщённых // неопределённых персонажей, которые никак формально не обозначены, но их можно узнать, хотя и не всегда, по содержанию их речи. В несобственно-прямую речь свободно включаются лексические и синтаксические элементы прямой речи (дискурсивные слова, междометия, восклицательные и предложения, риторические вопросы). Приведём пример из «Горя от ума» А.С. Грибоедова:

София

Позвольте, батюшка, кружится голова;

Я от испуги * дух перевозу едва;

Изволили вбежать вы так проворно,

Смешалась я...

Фамусов

Благодарю покорно,

Я скоро к ним вбежал!

Я помешал! я испужал!

Я, Софья Павловна, расстроен сам, день целый

Нет отдыха, мечусь как словно угорелый.

Курсивом выделены фразы, автором которых является не совсем София, а скорее Фамусов, который саркастически воспроизводит её попытки оправдываться.

3. Эвиденциальность

Эвиденциальность, как уже говорилось выше, это грамматическая категория, базовое значение которой — указание на источник информации, которая позволила говорящему утверждать то, что он утверждает. Например, видел ли говорящий в реальности ситуацию, о которой идёт речь, или он основывается на фактах, но сделал логический вывод из того, что дано, или знает о ситуации с чужих слов, см. [Aikhenvald, 2006, 320]. Языки варьируют в отношении того, сколько источников информации можно включить в граммулы категории эвиденциальности. Многие языки различают лишь информацию из личного опыта и опосредованную, другие маркируют канал получения информации о событии. Сообщение о лично увиденном событии, имеющее специфичный показатель в составе глагола-сказуемого, занимает высокую позицию по шкале достоверности. Лично услышанное или воспринятое другими органами чувств уже ниже по достоверности, часто не отличается от информации с чужих слов.

4. Косвенные способы выражения эвиденциальности

У языков, не имеющих грамматической категории эвиденциальности, соответствующие смыслы могут выражаться косвенно. Например, это могут быть формы наклонения — *conditionnel* (испанский, французский), времени — имперфект (испанский, цахурский языки, см. [Guencheva, Landaburu 2007]), специальные лексемы (*reportedly*, *allegedly*, английский язык), эпистемические глаголы пропозициональной установки (*знать*, *видеть*, *помнить*, русский язык), см. [Лунина 2020], императив + глагол-сказуемое несовершенного вида (русское, детское, игровое *Давай ты была сестрёнка, а я была сестра. Давай, ты не знала, где наша квартира*). Специальные, можно сказать, заимствованные у других глагольных категорий, средства выражения неграмматической эвиденциальности в немецком и романских языках разбираются, например, в [Haßler 2015]. Здесь можно провести аналогию с событиями рассказа Гилберта К. Честертон

«Сапфировый крест», в котором отец Браун, преследуя преступника, значимым образом меняет назначение привычных бытовых вещей: пересыпает соль в сахарницу, меняет местами ценники у торговца на лотках и т.д.

5. Адмиратив

Адмиратив выражает реакцию на новую, неожиданную и нелогичную с точки зрения уже имеющейся у реципиента картины мира информацию. Поскольку человек, получивший такую информацию, к ней не готов, адмиративные значения часто сопровождаются эмоциональными компонентами.

6. Монолог Раскольникова. Ф.М. Достоевский. Роман «Преступление и наказание»

Ниже мы рассмотрим фрагмент романа (глава 4), о котором речь уже шла выше, и предложим свою интерпретацию. Мы считаем, что весь этот текст не является образцом полифонического решения нарратива, в отличие от М.М. Бахтина, который по поводу этого же отрывка писал: «Приведенный нами в отрывках диалогизованный внутренний монолог Раскольникова является великолепным образцом микродиалога: все слова в нем двуголосые, в каждом из них происходит спор голосов» [Бахтин 2002, 86]. Нам представляется более правдоподобным считать, что если голоса и звучат, то всё же не как равноправные голосу самого Раскольникова и не как самостоятельно участвующие в полифонии. Они звучат в аффективном пересказе Раскольникова, и более приемлемо было бы понимать большинство элементов этого текста как эвиденциальные или адмиративные. Ниже жирным шрифтом выделены эвиденциальные элементы, представляющие собой отсылки к источнику информации — письму матери. Эти элементы представляют собой по большей части либо дискурсивные слова, либо не прямое эмоциональное, главным образом саркастическое, цитирование того, что было в письме, например, с частицей *де-ска-ть*. С учётом этого материала представляется оправданным подход И.А. Мельчука, который считает адмиратив и пробабилитив (возможность) граммемами категории реактивности: ‘реакция говорящего на факт с точки зрения вероятности этого факта’ [Мель-

чук 1998, 104]. Ниже жирным шрифтом мы выделили элементы, которые в нашем представлении отражают значения категории реактивности. Слова с неотделяемой частицей – *то* представляют собой аналоги слов с определённым артиклем, что мы видим в их переводных эквивалентах при переводе на французский, т.е. –*то* маркирует либо уже известную из письма и активированную информацию, либо просто общеизвестную информацию, которая всем понятна и без письма. Как увидим ниже, при нормативном грамматическом оформлении определённым артиклем французских существительных-эквивалентов полностью теряются эмоциональные коннотации русских лексем с частицей –*то*. Есть здесь и примеры цитирования, которые сам автор выделяет курсивом или кавычками, и примеры оценки, сарказма, вызванных именно реакцией на непредвиденные обстоятельства, и аргументативные маркеры.

«Письмо матери его измучило. Но относительно главного, капитального пункта сомнений в нем не было ни на минуту, даже в то еще время, как он читал письмо. Главнейшая суть дела была решена в его голове и решена окончательно: «Не бывать **э-то-му браку**, пока я жив, и к черту господина Лужина!»

«Потому что это дело очевидное, — бормотал он про себя, ухмыляясь и злобно торжествуя заранее успех своего решения. — Нет, мамаша, нет, Дуня, не **обмануть** меня вам!.. **И еще извиняются**, что моего совета не попросили и без меня дело решили! **Еще бы!** Думают, что теперь **уж и** разорвать нельзя; **а посмотрим**, льзя или нельзя! **Отговорка-то** какая капитальная: „**уж такой, дескать**, деловой человек Петр Петрович, **такой** деловой человек, что и **жениться-то** иначе не может, как на почтовых, чуть не на железной дороге“. Нет, Дунечка, всё вижу и знаю, о чем ты со мной **много-то** говорить собираешься; знаю и то, **о чем ты всю ночь продумала, ходя по комнате, и о чем молилась перед Казанскою Божией матерью, которая у мамыши в спальне стоит**. На Голгофу-то тяжело всходить. Гм... Так, **значит, решено уж** окончательно: за делового и рационального человека изволите выходить, Авдотья Романовна, имеющего свой капитал (**уже имеющего** свой капитал, это солиднее, внушительнее), **служащего в двух ме-**

стах и разделяющего убеждения новейших наших поколений (как пишет мамаша) и, „*кажется, доброго*“, как замечает сама Дунечка. Это *кажется* всего великолепно! И эта же Дунечка за это же *кажется* замуж идет!.. **Великолепно! Великолепно!**..

...А любопытно, однако ж, для чего мамаша о „**новейших-то поколениях**“ мне написала? Просто ли для характеристики лица или с дальнейшею целью: задобрить меня в пользу господина Лужина? О хитрые! Любопытно бы разъяснить еще одно обстоятельство: до какой степени они обе были откровенны друг с дружкой, **в тот день и в ту ночь**, и во всё **последующее** время? **Все ли слова** между ними были прямо произнесены, или обе поняли, что у той и у другой одно в сердце и в мыслях, так уж нечего вслух-то всего выговаривать да напрасно проговариваться. **Вероятно, оно так отчасти и было**; по письму видно: мамаше он показался резок, *немножко*, а наивная мамаша и полезла к Дуне с своими замечаниями. А та, **разумеется**, рассердилась и „**отвечала с досадой**“. **Еще бы!** Кого не взбесит, когда дело понятно и без наивных вопросов и когда решено, что уж нечего говорить. **И что это** она пишет мне: „Люби Дуню, Родя, а она тебя больше себя самой любит“; **уж не угрызения ли** совести ее самое втайне мучат за то, что дочерью сыну согласилась пожертвовать. „**Ты наше упование, ты наше всё!**“ О мамаша!..» Злоба наikipала в нем всё сильнее и сильнее, и если бы теперь встретился с ним господин Лужин, он, кажется, убил бы его!

«Гм, **это правда**, — продолжал он, следуя за вихрем мыслей, крутившимся в его голове, — **это правда**, что к человеку надо „**подходить постепенно и осторожно, чтобы разузнать его**“; но господин Лужин ясен. Главное, „**человек деловой и, кажется, добрый**“: шутка ли, **поклажу взял на себя, большой сундук на свой счет доставляет!** Ну как же не добрый? **А они-то обе, невеста** и мать, мужичка подряжают, в телеге, рогожею крытой (**я ведь так ездил!**)! Ничего! **Только ведь** девяносто верст, „**а там преблагополучно прокатимся в третьем классе**“, верст тысячу. **И** благоразумно: по одежке протягивай ножки; **да вы-то, господин Лужин, чего же?** **Ведь это ваша невеста...** **И не могли же** вы не знать, что мать под свой пенсион на дорогу вперед занимает? **Конечно,**

тут у вас общий коммерческий оборот, предприятие на обоюдных выгодах и на равных паях, значит, и расходы пополам; хлеб-соль вместе, а табачок врозь, по пословице. **Да и тут деловой-то** человек их поднадул немножко: **поклажа-то стоит** дешевле ихнего проезда, **а пожалуй**, что и задаром пойдет. **Что ж они обе не видят, что ль**, этого аль нарочно не замечают? И ведь довольны, довольны! **И как подумать**, что это только цветочки, а настоящие фрукты впереди! **Ведь тут что** важно: тут не скупость, не скалдырничество важно, а *тон* всего этого. **Ведь** это будущий тон после брака, пророчество... **Да и мамаша-то** чего ж, однако, кутит? С чем она в **Петербург-то** явится? С тремя целковыми аль с двумя „билетиками“, как говорит та... старуха... гм! **Чем же жить-то** в Петербурге она надеется **потом-то**? **Ведь она уже по каким-то** причинам успела догадаться, что ей с Дуней *нельзя* будет вместе жить после брака, **даже и** в первое время? **Милый-то** человек, наверно, как-нибудь тут *проговорился*, дал себя знать, хоть мамаша и отмахивается обеими руками **от этого**: „Сама, дескать, откажусь“. **Что ж она, на кого же** надеется: на сто двадцать рублей пенсионера, с вычетом на долг Афанасию Ивановичу? **Косыночки она там зимние вяжет, да нарукавнички вышивает** (здесь порядок слов отражает соотношение ‘известное’/ ‘неизвестное’ — комментарий наш, О.Г.), глаза свои старые портит. **Да ведь** косыночки всего только двадцать рублей в год прибавляют к **ста двадцати-то рублям**, это мне известно. **Значит, все-таки** на благородство чувств господина Лужина надеются: „Сам, дескать, предложит, упрасивать будет“. **Держи карман! И так-то вот всегда** у этих шиллеровских прекрасных душ бывает: до последнего момента рядят человека в павлиньи перья, до последнего момента на добро, а не на худо надеются; и хоть предчувствуют оборот медали, но ни за что себе заранее настоящего слова не выговорят; коробит их от одного помышления; обеими руками от правды отмахиваются, до тех самых пор, пока разукрашенный человек им собственноручно нос не налепит. **А любопытно**, есть ли у господина Лужина ордена; об заклад бьюсь, что Анна в петлице есть и что он ее на обеды у подрядчиков и у купцов надевает. **Пожалуй**, и на свадьбу свою наденет! А впрочем, черт с ним!...».

Французский перевод данного отрывка.

Cette lecture l'avait profondément ému. Quant au point principal, **cependant**, il n'en douta pas un instant, **même** pendant qu'il lisait la lettre. La question en elle-même était résolue pour lui et résolue définitivement : « **Ce mariage** ne se fera pas tant que je vivrai, et au diable le sieur Loujine ! » « Car c'est évident », murmurait-il, souriant et supputant d'avance, avec méchanceté, le succès de sa décision. « Non, la maman, non, Dounia, vous ne m'abuserez pas ! ... Et elles cherchent encore à s'excuser de **ne m'avoir pas demandé mon avis et d'avoir décidé l'affaire sans moi ! Comment donc !** Elles pensent qu'il n'est plus possible de rompre maintenant ; possible ou pas possible nous le verrons bien ! Quelle excuse capitale ; « Car c'est un homme d'affaires, Piotr Pétrovitch, un homme tellement affairé qu'il ne peut se marier autrement qu'en chaise de poste, voire en chemin de fer ». Non, Dounétkha, **je vois tout** et je sais **tout** ce que tu as à me dire ; **je sais à quoi** tu as réfléchi toute la nuit en marchant de long en large dans la chambre, et pour qui tu as prié devant l'icône de Notre Dame de Kasan qui se trouve dans la chambre à coucher de la maman. Il est bien dur de gravir **le Golgotha**. Hum... **Ainsi donc**, c'est décidé définitivement : vous épousez un homme d'affaires, un homme positif, Avdotia Romanovna, un homme qui possède son capital propre (qui possède déjà son capital propre, cela fait plus posé, plus impressionnant) ; il travaille dans deux entreprises et il partage les convictions de nos dernières générations (comme écrit la maman) et il est « **croit-elle** », **bon**, comme remarque Dounia elle-même. **Ce « croit-elle »** c'est plus splendide que tout ! Et **cette même** Dounétkha va épouser ce « **croit-elle** » ! **Splendide ! Splendide !** « ... Curieux, quand même, pourquoi la maman m'a raconté ces « **nouvelles générations** » ? Est-ce simplement pour définir le personnage, ou dans un but plus éloigné : me disposer favorablement à l'égard de Loujine ? Ah ! Les malignes ! Il serait curieux d'élucider une circonstance encore : jusqu'à quel point se sont-elles ouvertes l'une à l'autre, **ce jour-là, cette nuit-là**, et pendant tout le temps qui a suivi ? Tous les mots ont-ils été prononcés entre elles, ou bien toutes deux ont-elles compris qu'elles ont la même chose sur le cœur et dans l'esprit, qu'il n'y a plus rien à dire et qu'il est inutile de parler. C'était probablement bien ainsi, on voit ça à la lettre. Il a semblé rude à la

maman, un peu, et, la naïve maman, ne va-t-elle pas faire des réflexions à Dounia ! Et celle-ci, évidemment, s'est fâchée et a répondu avec quelque dépit : **Comment donc !** Qui ne se mettrait en rage quand l'affaire est évidente, sans tergiversations possibles, alors que c'est déjà décidé, et qu'il est inutile de parler. Et que m'écrit-elle là : « Aime Dounia, Rodia, car elle t'aime plus qu'elle-même... », n'est-ce pas le remords qui la tourmente secrètement, le remords de s'être résolue à sacrifier sa fille à son fils. « Tu es notre espoir, tu es tout pour nous ! » Ah ! la maman ! ... » La colère montait en lui de plus en plus et s'il avait en ce moment rencontré M. Loujine, il lui semblait qu'il l'aurait tué. « Hum, c'est vrai, continua-t-il, suivant le tourbillon de sa pensée, c'est vrai que, pour connaître quelqu'un, « il faut prendre contact progressivement et prudemment » ; mais M. Loujine est clair. Surtout, c'est « **un homme affairé, et, croit-elle, bon** » : ce n'est pas une paille, **il prend le transport des bagages sur soi, il fait parvenir le grand coffre à ses frais !** Comment ne serait-il pas bon ? Et elles deux, la fiancée et la mère, louent un moujik, avec une télègue couverte de nattes (je sais comment cela va, làbas !). Ce n'est rien ! Il n'y a que quatre-vingt-dix verstes, « et de là, nous continuerons très bien en troisième classe », quelque mille verstes. Et c'est raisonnable : bien obligé de faire avec ce que l'on a. **Mais, M. Loujine, et alors quoi ? Elle est quand même votre fiancée...** Et vous ne pouviez pas ne pas savoir que la mère emprunte de l'argent sous la garantie de sa pension ! **Évidemment**, vous avez ici une affaire commerciale commune, une entreprise à avantages absolus et à parts égales, alors, les frais par moitié : le pain et le sel en commun mais le tabac séparément, d'après le dicton. Pour **ce cas-ci**, l'homme d'affaires les a tant soit peu trompées : le bagage coûte moins cher que leur transport personnel et **sans doute, même**, ne lui coûtera-t-il rien du tout. Ne voient-elles donc rien, ou ne veulent-elles pas voir ? Et penser que ce ne sont là que de petites fleurs, et que les véritables fruits sont encore à venir ! Quelle est la question importante, ici ? Ce n'est nullement l'avarice, la rapacité, mais le ton de tout cela. Car c'est cela, l'avenir, c'est ce qui sera après le mariage, ceci est augural... Et la maman, pourquoi triomphe-t-elle, en somme ? Avec quoi va-t-elle arriver à Petersbourg ? Avec trois roubles d'argent ou avec deux « billets » comme dit l'autre..., la vieille... hum ! De quoi espère-t-elle vivre à

Petersbourg, ensuite ? Car elle a déjà pu deviner, je ne sais selon quels indices, qu'il lui sera impossible de vivre avec Dounia après les noces, même au début. Le cher homme s'est sans doute trahi ici, il a fait ses preuves, quoique la maman s'en soit défendue, « mais, dit-elle, je refuserai ». À quoi pense-t-elle ? Sur qui compte-t-elle ? Sur les cent-vingt roubles de la pension, à diminuer de la dette à Aphanassi Ivanovitch ? Elle tricote bien ces fichus d'hiver et elle brode des manchettes en usant ses vieux yeux. Mais ces fichus-là n'augmentent la pension que de vingt roubles par an, je le sais bien, moi. **Alors c'est quand même** sur la noblesse de M. Loujine qu'elles comptent : « Il m'invitera de lui-même », **il te suppliera sans doute**. Compte dessus ! Et c'est ainsi que cela se passe chez ces admirables âmes à la Schiller : elles vous ornent le personnage de plumes de paon, jusqu'au dernier moment ; elles comptent sur le bien et non sur le mal, quoiqu'elles pressentent le revers de la médaille, mais jamais elles ne se diront le mot véritable : sa seule pensée les crispe, elles se défendent de la vérité des pieds et des mains jusqu'à ce que le personnage ainsi orné leur pose lui-même un crapaud dans l'assiette. Il serait curieux de savoir si M. Loujine est décoré ; je parie qu'il a l'ordre de Sainte-Anne, et qu'il le porte aux dîners d'entrepreneurs et de marchands. Et il le portera sans doute au mariage !

7. Заключение

Как показывает соотношение выделенных текстовых элементов, экспрессия в русском варианте выражена намного значительнее, чем во французском. Что касается звучания многих голосов, выраженности полифонии в русском тексте, всё же голос и тон здесь один — самого Раскольникова, которому автор романа даёт лексические, дискурсивные и даже просодические средства для выражения эвиденциальности и адмиратива.

Источники

Честертон, Гилберт. Сапфировый крест. // Исследование отца Брауна. М.: Издательство «АСТ», 2015.

Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание // Собрание сочинений в 15-ти томах. Т. 5 // Л.: Наука, 1989.

Dostoyevski, Fiodor Mikhailovitch. Crime et châiment.
http://www.bouquineux.com/index.php?telecharger=88&Dosto%3%AFevski-Crime_et_ch%3%A2timent.

Литература

Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. 1963.
М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2002.

Гулыга О.А. О типах антропоцентрических элементов в семантике дискурсивных слов (на материале французского и русского языков) // Научный диалог, 2019 № 9. С. 41 — 55. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-41-55.

Майсак Т.А., Мерданова С.Р. Категория эвиденциальности в агульском языке // Кавказоведение. 2002, № 1. С. 102 — 112.

Майсак Т.А., Татевосов С.Г. Пространство говорящего в категориях грамматики, или Чего нельзя сказать о самом себе // Вопросы языкознания, 2000 №5, С. 68 — 80.

Лунина Т.П. О средствах выражения косвенной эвиденциальности в русском языке // Известия ВПГУ. Филологические науки, № 1. Волгоград, 2020.
<https://cyberleninka.ru/article/n/o-sredstvah-vyrazheniya-kosvennoy-evidentsialnosti-v-russkom-yazyke>.

Aikhenvald A.Ya. Evidentiality in Grammar. (PDF) Evidentiality in Grammar (researchgate.net)

Anscombre, Jean-Claude; Oppermann-Marsaux, Evelyne; Somolinos, Amalia Rodriguez. Médiativité, polyphonie et modalité en Français. Paris: Presses Sorbonne Nouvelle, 1993.

DeLancy, Scott. Mirativity: The grammatical marking of the unexpected information. Linguistic Typology, 1997, 1/1.

DeLancy, Scott. The Mirative and Evidentiality. Paper presented at 6th Pragmatics Conference, Reims, 19 — 24 July, 1998.

Ducrot, Oswald. Les mots du discours. Paris: Editions de Minuit, 1981.

Ducrot, Oswald. *Le dire et le dit*. Paris: Editions de Minuit, 1984.

Haßler, Gerda. Evidentiality and the expression of speaker's stance in Romance languages and German // *Discourse Studies*, 2015. Vol 17, № 2.

Polyphony, evidentiality, mirativity as semantic features. Case study of Raskolnikov's monologue from «Crime and Punishment» by F.M. Dostoyevsky translated into French

**O.A. Gulyga (Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences)**

The article deals with contrasting polyphony in literature and the same notion in linguistics. As exemplified by the Russian fiction in F.M. Dostoyevsky's *Crime and Punishment*, the present study reveals that the polyphonic character of the text can be also treated as evidentiality and/or reactional response combined with mirativity. In order to compare the capacity of expressions of the mentioned categories, a translation of the text extract is being balanced against Dostoyevsky's original text.

Keywords: linguistic polyphony, evidentiality, mirativity, translation study, discourse words, Russian language, French language.